

ПОНЯТИЕ КОРРУПЦИИ В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ И ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Приводятся доктринальные трактовки термина «коррупция». Проанализировано официальное определение коррупции. Законодатель рассматривает коррупцию как набор отдельных случаев коррупционного поведения. Обосновывается несостоятельность и опасность такого подхода. По мнению автора статьи, коррупция суть негативное социальное явление. С учетом такого подхода дается авторское определение коррупции, раскрываются его основные признаки. Предложены критерии отграничения должностных преступлений от коррупционной преступности.

Ключевые слова: коррупция; получение и дача взятки; злоупотребление должностными полномочиями; коррупционная преступность; должностные преступления.

В российской уголовно-правовой и криминологической науке вопрос о понятии коррупции относится к числу дискуссионных. Основное различие заключается в объеме трактовки термина «коррупция».

Сторонники узкой трактовки определяют коррупцию как подкуп-продажность представителей власти. Так, А.И. Долгова и С.В. Ванюшкин под коррупцией понимают «социальное явление, характеризующееся подкупом-продажностью государственных и иных служащих и на этой основе корыстным использованием ими в личных либо узкогрупповых, корпоративных интересах официальных служебных полномочий, связанных с ними авторитета и возможностей» [1. С. 501]. Схожую позицию занимает Н.Ф. Кузнецова. По ее мнению, коррупция – это «социально-негативное явление, выражающееся в подкупе одних лиц другими» [2. С. 21]. Критикуя более широкий взгляд на коррупцию, Н.Ф. Кузнецова отмечает: «Именованная коррупцией всю систему корыстных должностных преступлений, например злоупотребление властью, превышение власти, подлоги, не только нецелесообразно, но и несогласуемо с принципом дифференциации вины, ответственности и дифференциации наказания. В уголовном праве это весьма осложнило бы законодательную регламентацию хозяйственных и должностных преступлений, внесло бы путаницу в квалификацию преступлений и их наказуемость» [2. С. 22–23]. Положительным в данной трактовке термина «коррупция» является то, что авторы обращают внимание на высокую общественную опасность коррупционных сделок. Однако описание коррупции через призму уголовно-правовых категорий явно сужает границы этого негативного социального явления. Без анализа и оценки остается значительный массив деяний, совершаемых представителями власти единолично или в составе группы лиц, явно имеющих коррупционную составляющую.

Сторонники широкого понимания коррупции акцентируют внимание не столько на преступной сделке между публичным служащим и частным лицом, сколько на всяком корыстном поведении должностного лица. По мнению Г.Н. Борзенкова, коррупция предполагает «разложение управленческого аппарата, основанное на использовании чиновниками своего служебного положения в корыстных целях» [3. С. 30]. В.С. Комиссаров считает, что коррупция – это «использование субъектом управления своих властных полномочий вопреки интересам службы из личной заинтересованности» [4. С. 26]. Б.В. Волженкин полагал, что коррупция суть «...социальное явление, заключающееся в

разложении власти, когда государственные (муниципальные) служащие и иные лица, уполномоченные на выполнение государственных функций, используют свое служебное положение, статус, авторитет занимаемой должности в корыстных целях для личного обогащения или в групповых интересах» [5. С. 47]. По мнению С.В. Максимова, «коррупция – это использование государственными, муниципальными или иными публичными служащими (в том числе депутатами и судьями) либо служащими коммерческих или иных организаций (в том числе международных) своего статуса для незаконного получения каких-либо благ (имущества, прав на него, услуг или льгот, в том числе неимущественного характера) либо предоставление последним таких преимуществ» [6. С. 10]. В.В. Лунеев подчеркивает, что «коррупция не сводится к примитивному взяточничеству, особенно в условиях рыночной экономики, свободной торговли и демократии. Лоббизм, фаворитизм, протекционизм, взносы на политические цели, традиции перехода политических лидеров и государственных чиновников на должности почетных президентов корпораций и частных фирм, инвестирование коммерческих структур за счет госбюджета, перевод государственного имущества в акционерные общества, использование связей преступных сообществ и т.д. являются завуалированными формами коррупции» [7. С. 269]. Такая трактовка коррупции удачна тем, что охватывает довольно широкий круг коррупционных деяний. Вместе с тем разложение власти является не столько системообразующим признаком коррупции, сколько последствием коррупции. Власть может разлагаться как изнутри, так и извне. Использование социального статуса (служебного положения, авторитета занимаемой должности) является одним из способов коррупционного поведения, но далеко не единственным его вариантом.

Официальное определение коррупции дано в ст. 1 Федерального закона от 25.12.2008 «О противодействии коррупции». Согласно положениям закона коррупция суть: «а) злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физиче-

скими лицами; б) совершение деяний, указанных в подпункте «а» настоящего пункта, от имени или в интересах юридического лица» [8]. Данное определение дает основания сделать вывод, что, во-первых, коррупция – это набор конкретных деяний, которые могут быть совершены как в органах власти (получение и дача взятки, злоупотребление служебным положением, злоупотребление полномочиями), так и в частных организациях (коммерческий подкуп, злоупотребление полномочиями, иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения). Во-вторых, коррупционерами могут быть признаны любые лица (государственные и муниципальные служащие, физические лица, должностные лица, представители юридического лица и т.д.).

Придание определению коррупции официального статуса в целом было поддержано многими учеными-правоведами. Но были высказаны и критические замечания. Критике в основном подверглась содержательная сторона этого определения. Так, Л.М. Прокументов указывает, что законодатель без достаточных к тому оснований отнес к числу проявлений коррупции злоупотребление полномочиями и коммерческий подкуп, объектом посягательства которых являются интересы службы в коммерческих и иных организациях. Также, по его мнению, дача взятки не должна рассматриваться как коррупция, поскольку субъектом преступления может быть любое физическое лицо (См.: [9. С. 159, 160]). Э.В. Талапина пишет, что в легальное определение коррупции вошли не все известные преступления коррупционной направленности. Незаконное участие в предпринимательской деятельности, легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, другие преступления, совершаемые с использованием служебного положения, далеко не всегда подпадают под критерий «иное незаконное использование». Служащий при совершении этих преступлений может действовать в рамках своих полномочий, т.е. формально не нарушая закон (См.: [10]).

Высказанные учеными замечания, бесспорно, справедливы. Однако, на наш взгляд, главным недостатком официального определения коррупции является то, что законодатель понимает под коррупцией набор отдельных случаев коррупционного поведения. Следуя логике законодателя, надо признать, что любое злоупотребление служебным положением, всякое получение взятки или дача взятки и т.д. являются коррупцией. Между тем понятие социального явления не может раскрываться через отдельные случаи этого явления. Часть (социальное действие) не может характеризовать целое (социальное явление). Такой подход стирает грань между дозволенным и запрещенным, между справедливым и несправедливым, между социально полезным и социально вредным поведением. Опасность такого подхода становится наглядной, если задаться вопросом о том, всякое ли злоупотребление служебным положением, всякая ли дача взятки, получение взятки и т.д. являются коррупцией?

Не всякое взяточничество следует рассматривать как коррупционное деяние. Так, дача взятки в связи с ее вымогательством является безусловным основанием для освобождения взяточдателя от уголовной от-

ветственности (примечание к ст. 291 УК РФ). Взяткодатель в данном случае будет признан не преступником, а жертвой преступления. Следовательно, не все случаи дачи взятки следует относить к проявлениям коррупции.

Не каждое получение взятки суть коррупция. Получение взятки может быть совершено в угоду государственным интересам, например, с целью выполнения возложенных на должностное лицо обязанностей по службе. Так, участковый государственный инспектор Ленской инспекции рыбоохраны был признан виновным по п. «в» ч. 2 ст. 290 УК РФ в получении взятки путем вымогательства в виде 2 двухсотлитровых бочек бензина А-76 за несоставление протокола об административном правонарушении. Судебной коллегией по уголовным делам Иркутского областного суда установлено, что «одну двухсотлитровую бочку бензина подсудимый использовал на производственные нужды, а вторую бочку бензина изъясил сотрудник милиции С. и передал ее на хранение сторожу Б., у которого она была похищена». Из материалов дела следует, что бензин подсудимому был необходим для выполнения задач по охране природы, с бензином было трудно, денег на него не давали, он воспользовался моментом для получения бензина [11]. Подчеркнем, что факт преступления налицо и обоснованность приговора суда не вызывает сомнений. Сомнение вызывает то, что по Федеральному закону «О противодействии коррупции» это деяние будет признано коррупцией.

Кемеровским областным судом за отсутствием события преступления был оправдан С., обвиняемый в вымогательстве взятки. В оправдательном приговоре наряду с другими доказательствами отмечалось: «другим самостоятельным основанием для оправдания С. является то, что субъективная сторона получения взятки может характеризоваться только прямым умыслом, причем обязательным субъективным признаком этого преступления является корыстная цель на получение незаконной выгоды имущественного характера, что в данном случае отсутствует. Как пояснил сам подсудимый, получая деньги, действовал он не в корыстных целях, а в интересах службы, желая потратить получаемые денежные средства на приобретение канцелярских принадлежностей (бумаги, картриджа для принтера, дискет для компьютера) для служебной деятельности, воспринимал получаемые деньги как спонсорскую помощь УВД» [12]. Небезынтересно отметить, что Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда России приговор Кемеровского областного суда поддержала [13].

Также нет оснований относить к проявлениям коррупции любое злоупотребление служебным положением. Злоупотребление служебным положением может быть совершено как в ущерб интересам общества и государства, так и во благо этого общества и государства. В бытовой повседневности встречаются десятки примеров злоупотреблений властью. Защита отечественного производителя посредством установления высоких заградительных пошлин, вливание огромных денежных средств для спасения отечественного автопрома, закупка иностранной боевой техники, привлечение к уголовной ответственности при оче-

видной виновности лица, но откровенно слабой доказательственной базе, разработка конкурсных требований, максимально отражающих интересы местного производителя, распоряжение о безотлагательной материальной помощи пострадавшим от стихийных бедствий и техногенных катастроф при отсутствии разрешительных документов, распоряжение о выделении служебного автотранспорта для срочной доставки частного лица в больницу – эти и другие действия и решения объединяет то, что они все легко могут быть истолкованы как коррупционное поведение. Но разве можно называть коррупцией те действия и решения, которые в конечном счете нацелены на обеспечение интересов общества?

Как видим, официальное определение коррупции без достаточных к тому оснований существенно расширяет границы негативного социального явления, включая в него деяния, которые могут быть совершены в интересах общества. Это очень опасный, но, к сожалению, не единственный недостаток легального определения коррупции.

Другой недостаток законодательного определения коррупции, который справедливо отмечают Л.М. Прокументов, Э.В. Талапина и другие ученые, заключается в том, что он игнорирует множество очевидных случаев коррупционного поведения. Вне определения коррупции остаются такие деяния, как лоббизм, протекционизм, кумовство, семейственность, попустительство и т.д., совершаемые в интересах частных лиц и узкогрупповых интересах без каких-либо имущественных вознаграждений или выгод имущественного характера.

Между тем использование служебного положения («административного ресурса») для решения частных вопросов в нарушение установленных законодательством правил и процедур стало настоящим бедствием для государственных и общественных интересов (принятие на службу лиц не по профессиональным качествам и способностям, а исключительно в силу родственных, дружеских связей; «содействие» в решении вопросов бытового характера знакомым, друзьям в обход установленного законом порядка и т.п.).

Известны также случаи давления на судебные органы с указанием о вынесении нужного решения. Примеры воздействия на судебную систему можно найти на сайте Высшего Арбитражного Суда России [14]. За рамками закона о противодействии коррупции остаются устные распоряжения прокуроров, начальников органов внутренних дел с требованием о неправомерном освобождении помещенных близких им лиц из медвытрезвителей, камер предварительного заключения и т.д. Не охватываются официальным определением коррупции безвозмездное «содействие» чиновника своим родственникам и знакомым по устройству ребенка в детский сад, школу, вуз, на работу в государственные и муниципальные учреждения, «помощь» в сокрытии правонарушений и преступлений, «ходатайство» об освобождении от воинской обязанности и т.п.

В юридической литературе приводятся другие упущения законодательной формулировки коррупции. По мнению В.Н. Щедрина, «...закон не дает однозначной трактовки по поводу того, могут ли быть субъектами

коррупции преподаватели, врачи, лица, осуществляющие управленческие функции в негосударственных структурах, кандидаты в депутаты» [15. С. 49, 50].

Итак, официальное определение термина «коррупция» не лишено существенных недостатков. Более того, это определение представляет серьезную опасность для нравственности и правосознания, поскольку стирает грань между социально полезным и социально вредным поведением.

На наш взгляд, необходимо выработать трактовку коррупции как негативного социального явления. Возможен такой вариант: «коррупция – это подмена представителями власти интересов общества интересами частного характера». Это определение позволяет выделить следующие существенные признаки коррупции: 1) объект коррупционного посягательства – «интересы общества»; 2) субъект коррупционного поведения – «представитель власти»; 3) коррупционное поведение, заключающееся в «подмене» одних интересов другими интересами; 4) коррупционный мотив и коррупционную цель поведения представителей власти.

Определение четче обозначает сферу, которая страдает от коррупции, – «интересы общества». В данной статье термины «интересы общества», «публичные интересы», «государственные интересы», несмотря на их различие, употребляются как синонимы, поскольку противопоставляются частным (личным, узкогрупповым) интересам. К ним нужно отнести здоровье и безопасность населения, общественную нравственность и правопорядок, образование, культуру и другие общественно значимые категории.

Субъектами коррупции могут быть только представители власти – лица, призванные обеспечивать общественные (государственные) интересы. Это понятие охватывает самый широкий круг лиц – государственных и муниципальных служащих, депутатов, кандидатов в депутаты, судей и иных должностных лиц, сотрудников Центрального банка России, Пенсионного фонда, государственных корпораций и т.п. Одним словом, всех тех, кто действует по поручению, от имени и в интересах общества (государства). В отличие от работника частной компании «работодателем» представителя власти является общество (государство). Поэтому в государственных учреждениях не столько работают, сколько служат обществу.

Нельзя относить к коррупционерам физических лиц, ибо они не обременены заботой об интересах общества (государства) и вольны поступать по своему усмотрению. Физическое лицо может пройти техосмотр за взятку или в установленном законом порядке. Дача взятки с уголовно-правовой точки зрения является разновидностью нарушения установленного государством порядка управления. И в этом смысле дача взятки ничем не отличается от других посягательств на интересы государства. Более того, применение насилия в отношении представителя власти (ст. 317 УК РФ), надругательство над государственной символикой (ст. 329 УК РФ) и другие подобные деяния подрывают и оскорбляют основы государства, пожалуй, сильнее, нежели дача взятки. Поэтому если согласиться с тем, что дача взятки является коррупционным деянием, то нужно признать коррупцией и

все остальные посягательства на интересы государства. С криминологической точки зрения дача взятки является не коррупционным деянием, а условием, способствующим коррупции.

Нельзя признать коррупционерами и менеджеров частных организаций, совершивших коммерческий подкуп и другие злоупотребления по работе. Менеджер, получивший незаконное вознаграждение («откат», «комиссионные»), причиняет вред конкретному лицу – частному собственнику, владельцу бизнеса, но не обществу. Эти деяния являются разновидностями имущественных преступлений, сопряженных с использованием служебного положения. В конечном счете вороватый менеджер причиняет вред сам себе. Ведь его место работы и зарплата зависят от конкурентоспособности представляемой им организации. Получая «откат», менеджер подрывает конкурентные возможности своей фирмы, поскольку цена на товар зависит от суммы произведенных на него затрат. Цена влияет на спрос товара. Чем выше спрос на товар, тем выше прибыль организации.

Государство также извлекает «прибыль» из своей деятельности. Однако «прибыль» государства нематериальна и выражается в благоустроенности двора, района или города, твердости государственного устройства и надежности государственных границ, безопасном состоянии дорог, зданий и предприятий, доступности детских садов, культурных и иных общественных учреждений, конкуренции на товарных рынках, простоте и комфортности получения государственных и муниципальных услуг. Коррупция подтачивает и постепенно уничтожает эти и другие общественные блага. В этом ее общественная опасность. Коррупционеры, принимая те или иные решения, совершая те или иные действия по службе, руководствуются не указанными выше общегосударственными задачами, а эгоистическими потребностями. Результат такой подмены – комфортность существования коррумпированного чиновника, рост его доходов, привилегий и ущерб бытовым, экономическим, управленческим и политическим интересам общества.

Примеров более чем достаточно. Банкротство общественного транспорта в городе обуславливается не столько убыточностью этого вида транспорта, сколько развитием частного маршрутного бизнеса, который через подставные лица контролируется отдельными высокопоставленными чиновниками. Государственные и муниципальные тендеры выигрывают не столько те компании, которые предлагают качественные и дешевые услуги, сколько те, которые находятся «в доле» с организаторами этих тендеров. За взятки отпускают преступников, правонарушителей, что усугубляет криминальную обстановку и снижает чувство безопасности граждан. Рейдерские захваты, инициируемые или поддерживаемые коррумпированными чиновниками, ухудшают инвестиционную привлекательность страны и способствуют массовому оттоку капитала за рубеж.

Немаловажно и то, что предлагаемое определение коррупции позволяет охватить всевозможные виды коррупционного поведения. Так, В.Е. Шинкевич справедливо пишет, что коррупцией является «...и такое явление в общественной жизни, как кумовство, семей-

ственность, когда любовь должностного лица, находящегося на государственной службе, превращает его администрацию в некое подобие “семейного совета”, вытесняет с ключевых постов “чужих” работников расчищая путь «своим» [16. С. 10]. Здесь, однако, уместно сделать одну оговорку и подчеркнуть, что назначение «своих» работников должно быть обусловлено частными и эгоистическими устремлениями. Это можно увидеть, когда на государственную или муниципальную службу принимаются лица, не обладающие профессиональными качествами и по своим личным характеристикам не способные выполнять возлагаемые на них задачи. Если «свой» способен выполнять поставленные задачи, обладает необходимым набором компетенций и его избрание не противоречит действующему законодательству, то он, безусловно, более желанная кандидатура на должность. Такая практика – общепринятый факт в теории и практике менеджмента. «Команда», согласно теории управления, состоит из доверенных лиц, людей близких по духу. «Нельзя иметь один набор правил для менеджеров, а другой – для людей вашей команды и держать их вместе под одной крышей. Таким образом, мы стали распределять людей, которые верили в плодотворность командной работы и сотрудничества, на разные лидерские позиции. При таком подборе управленческого состава возникает настоящая синергия, иными словами, целое становится больше простой суммы его частей» [17. С. 145]. Правильная расстановка кадров, подбор честных, порядочных, компетентных, ответственных, инициативных и заботящихся об общественном благе руководителей и специалистов значительно повышают эффективность государственного управления, что в конечном счете существенно образом сказывается на качестве жизни населения.

Трактовка коррупции как подмены интересов общества интересами частного характера позволяет отграничить коррупционные преступления от должностных преступлений. Не всякое должностное преступление – коррупционное деяние. Критериями разграничения являются мотив и цель совершения преступления. Любое коррупционное преступление предполагает наличие, так сказать, «коррупционного мотива» и «коррупционной цели».

Мотивом коррупционного поведения представителя власти является желание удовлетворить свои потребности и (или) интересы других лиц за счет интересов общества. Под коррупционной целью мы понимаем стремление представителя власти получить имущественную или неимущественную выгоду для себя и (или) других лиц в ущерб интересам общества. Коррупционные мотивы и цели имеют весьма разнообразные проявления. В одних случаях вверенные чиновнику полномочия используются как бы для решения общественных задач, однако в результате получает выгоду не столько общество, сколько этот чиновник или связанные с ним лица (принятие на службу заранее известных лиц, по деловым и нравственным качествам не соответствующих занимаемой должности). В других ситуациях представитель власти, быть может, и решает общественные проблемы, но его бурная активность связана не столько с интересами общества, сколько с пер-

спективами собственной выгоды. Показательным примером является реализация федеральной целевой программы, в рамках которой закупались томографы и другое высокотехнологичное медицинское оборудование. По данным Генпрокуратуры РФ за три года при закупках томографов было похищено более 3 млрд руб. По состоянию на начало 2011 г. в 45 регионах было возбуждено 68 уголовных дел [18].

Для должностных преступлений, указанные выше, мотивы и цели значения не имеют. Так, органы уголовной юстиции обязаны установить наличие корыстной или иной личной заинтересованности в злоупотреблении должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ). Однако содержание этого мотива на квалификацию деяния не влияет (стремление обогатиться, «красивая» жизнь, сострадание, интересы ведомства или, как указывается в приговорах судов, «ложно понятые интересы службы»). Для признания должностного лица виновным в получении взятки мотив и цель преступления вовсе не играют никакой роли (ст. 290 УК РФ). Уголовный закон требует установить только факт принятия взятки и действий по службе в пользу взяткодателя.

Поэтому нельзя отнести к проявлениям коррупции такие деяния, как, например, незаконная продажа земельного участка с целью ремонта на вырученные средства муниципальной котельной, вышедшей из строя в зимний отопительный период; нецелевое ис-

пользование бюджетных средств с целью капитального ремонта детсада, кровли школы и т.п. И наоборот, к коррупционным следует отнести все те деяния, которые совершаются представителями власти по коррупционным мотивам или с коррупционной целью (присвоение через подставных лиц бюджетных средств и использование их на личные нужды, продажа земельных участков своим родственникам и друзьям при непрозрачном проведении муниципального конкурса, «помощь» знакомым в сокрытии административных правонарушений и преступлений, содействие за взятки в ускоренном получении разрешительных документов и т.п.).

Уместно также добавить, что коррупционная преступность как относительно массовое социально-правовое явление значительно шире должностных преступлений. Коррупционные преступления могут причинять вред самым различным правоохраняемым интересам – собственности, экономическим отношениям, конституционным правам и свободам человека, государственной власти, правосудию и т.д. Отчасти такое понимание коррупционной преступности реализовано в совместном указании Генпрокуратуры РФ и МВД РФ от 28.12.2010 [19]. Должностные преступления совершаются только должностными лицами и посягают на нормальную деятельность органов государственной власти и органов местного самоуправления.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Криминология* : учеб. для юрид. вузов / под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. А.И. Долговой. М. : Изд. группа НОРМА-ИНФРА-М., 1999. 784 с.
2. Кузнецова Н.Ф. Коррупция в системе уголовных преступлений // Вестник МГУ. Сер. 11. 1993. № 1. С. 21–26.
3. Борзенков Г.Н. Уголовно-правовые меры борьбы с коррупцией // Вестник МГУ. Сер. 11. 1993. № 1. С. 30–31.
4. Комиссаров В.С. Уголовно-правовые аспекты борьбы с коррупцией // Вестник МГУ. Сер. 11. 1993. № 1. С. 26–30.
5. Волженкин Б.В. Служебные преступления: Комментарий законодательства и судебной практики. СПб. : Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2005. 560 с.
6. Максимов С.В. Коррупция. Закон. Ответственность. 2-е изд., перераб. и доп. М. : ЗАО «ЮрИнфоР», 2008. 255 с.
7. Лунеев В.В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции. М. : НОРМА, 1999. 516 с.
8. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // Собрание законодательства РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6228.
9. Прокументов Л.М. К понятию «коррупция» в российском уголовном законодательстве // Современное состояние и проблемы развития российского законодательства : материалы регион. науч.-практич. конф. / отв. ред. И.Ю. Остапович. Горно-Алтайск, 2010. С. 157–160.
10. Талапина Э.В. Комментарий к законодательству Российской Федерации о противодействии коррупции (постатейный) // Консультант Плюс : справочная правовая система. Версия Проф, сетевая. Электрон. дан. (64 кб). М. : АО «Консультант Плюс», 1992. Режим доступа: Компьютер. сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та, свободный.
11. Архив Иркутского областного суда за 1997 год. Уголовное дело № 2-183-97.
12. Архив Кемеровского областного суда за 1999 год. Уголовное дело № 2-431.
13. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ. Дело № 81-000-1 2000 года // Архив Кемеровского областного суда за 1999 г. Уголовное дело № 2-431.
14. Обращения по судебным делам. URL: <http://www.arbitr.ru/as/pract/appeal/> (дата обращения: 11.05.2011).
15. Щедрин Н.В. О законодательном определении коррупции // Актуальные проблемы борьбы с коррупцией и терроризмом в России на современном этапе: сборник материалов методологического семинара (г. Красноярск, 19–20 февраля 2009 г.) / отв. ред. Д.Д. Невирко; Сибирский юридический институт МВД России. Красноярск, 2009. С. 49–51.
16. Шинкевич В.Е. Феномен коррупции как социального явления: к проблеме осмысления // Актуальные проблемы борьбы с коррупцией и терроризмом в России на современном этапе : сб. материалов методологического семинара (г. Красноярск, 19–20 февраля 2009 г.). Красноярск, 2009. С. 7–11.
17. Интервью с Мишелем А. Уэллманом (M. Wellman), президентом Global Specialty Practices. March, 1999 // Менеджмент XXI века / под ред. С. Чоухари ; пер. с англ. М. : ИНФРА-М, 2002. 448 с.
18. При закупке томографов в Петербургском медуниверситете украли 117 миллионов рублей. URL: <http://lenta.ru/news/2011/01/21/tomopiter/> (дата обращения: 20.06.2011).
19. Указание Генпрокуратуры РФ № 450/85, МВД РФ № 3 от 28.12.2010 «О введении в действие Перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности» // Консультант Плюс : справочная правовая система. Версия Проф, сетевая. Электрон. дан. (64 кб). М. : АО «Консультант Плюс», 1992. Режим доступа: Компьютер. сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та, свободный.

Статья представлена научной редакцией «Право» 1 февраля 2012 г.